

Н. А. БОГОМОЛОВ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ РЕЦЕНЗИИ
(«*Cor ardens*» Вяч. Иванова в оценке М. Кузмина)

16 апреля 1912 г. Блок в письме к Андрею Белому дал жесткую оценку первому номеру журнала «Труды и Дни»: «Первый № сразу заведен так, чтобы говорить об искусстве и школе искусства, а не о человеке и художнике. Этим обязаны мы Вячеславу Иванову. Мне ли не знать его глубин правд личных? Но мне больно, когда он между строк все время *полемизирует* (вспоминаю твои слова о полемике) с... Гумилевым <...> и особенно когда он тащит за собой Кузмина, который на *наших* пирах не бывал... Какие-то „кони, стонущие с нежным ржанием“, ведь это мерзость» (Блок 1963, 386—387). Раздражение Блока было вызвано, конечно, множеством причин, но для наших целей существенно, в первую очередь, что одним из поводов попрекнуть Иванова послужила рецензия М. Кузмина на только что вышедший первый том ивановского «*Cor ardens*». Именно отсюда заимствованы слова о «конях, стонущих с нежным ржанием». Чрезвычайно резкая характеристика, очень отличающаяся от всего, что Блок когда-либо писал и говорил о Кузмине, не может не привлечь внимания исследователя.

В первую очередь этот исследователь должен обратить внимание на то, что через некоторое время после выхода в свет «Трудов и Дней» Кузмин поместил в «Аполлоне» письмо в редакцию, где сообщал, что его рецензия была опубликована не полностью (см. Кузмин 1912б). На этом «Письме в редакцию» мы еще остановимся, а пока приведем полный текст рецензии по архивной рукописи:

**Вячеславъ Ивановъ. *Cor ardens*<,> часть первая
(Москва<,> изд. «Скорпионъ»<,> 1911<,> ц. 2 р<,> 40 <коп.>)¹**

«Со страхомъ и трепетомъ» мнѣ слышится, когда я хочу говорить <sic!> о лучшей, самой значительной и, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ самой интимной книгѣ одного изъ главныхъ нашихъ учителей и руководителей въ поэзии. Еще болѣе понятную робость и смущеніе я чувствую, читая страницу посвященія. Какъ многого нельзя, не сумѣешь и не сможешь сказать! И приходится отвлечься отъ дружескихъ и

всяческих других отношений, и видѣть въ печатныхъ строчкахъ даже не то, что видишь, а то, что черезъ нихъ можетъ видѣть всякій, имѣющій глазъ и не злую волю. Тѣмъ болѣе трудно высказываться о цѣлой книгѣ, когда изъ нея вышла всего одна половина. Положимъ, это не могло бы остановить, такъ какъ, какъ бы ни была искусст<но> составлена книга, не писавшаяся какъ таковая, а являющаяся изъ себя ² всегда сборникъ лирическихъ стихотвореній, часто случайныхъ и объединенныхъ лишь временемъ написанія. Намъ кажется явленіемъ спеціально нашихъ дней [что] стремленіе объединять лирическія стихотворенія въ циклы, а эти послѣдніе въ *книги*. Конечно, можно сослаться на «Canzoniere» Петрарки, но дѣло въ томъ, что не является ли данная книга отраженіемъ одного единственного чувства поэта? Цѣльность можетъ сохранить лишь циклъ, написанный залпомъ (напр<имерь> отдѣлъ «Эросъ» въ «Cor ardens») или поддерживая ее ³ внѣшнимъ намекомъ на фабулу, единствомъ формы («Золотыя завѣсы») и приѣмовъ. Во всякомъ же другомъ случаѣ цѣльность будетъ всегда лишь *болѣе или менѣе* достигнута ⁴<.> Тѣмъ болѣе этого трудно требовать отъ книги. И при всемъ искусствѣ, ловкости и логичности въ составленіи отдѣловъ и въ группировкѣ матерьяла ⁵, «Cor ardens» всетаки намъ представляется скорѣе прекраснымъ сборникомъ стиховъ, чѣмъ планомѣрно сначала задуманной книгой. Потому мы рѣшаемся говорить о ней, не дожидаясь ея окончанія.

Прежде всего нужно утвердить, что Вячеславъ Ивановъ <—> поэтъ почти исключительно лирическій, если принять во вниманіе, что лирика бываетъ не только любовною ⁶, но и религиозною, пророческою, метафизическою и діалектической (въ той мѣрѣ, поскольку діалектичны сонеты Шекспира, Петрарки и ранніе итальянцы). Подобной лирикѣ мы противопоставляемъ монологъ описанія и поэзію ораторскую, если бы эти слова не были настолько несомнѣстимы. Поэзія Вячеслава Иванова принадлежитъ почти всецѣло одѣ, гимну и пѣсни; мы не хотимъ этимъ сказать, что Иванову чужды и посланія (почти весь отдѣлъ «Пристрастій<»») и элегіи и другія [формы] разнообразности поэтическихъ содержаній, но кажется, что душа его лежитъ къ первымъ тремъ. Нѣкоторые <sic> пьесы этого поэта требуютъ какъ бы комментарія, вроде канцоны Кавальканти, подвер<г>авшейся неоднократнымъ объясненіямъ. Комментаріямъ, разумѣется, не историческимъ<,> которымъ настанетъ время, когда забудутся тѣ немногія имена современниковъ, [котор] что упоминаетъ авторъ, но философскимъ и метафизическимъ. Ко «Сну Мелампа» Вяч. Ивановъ самъ

счель нужнымъ приложить родъ краткаго изъясненія. Это происходитъ отнюдь не отъ неясности мысли или неточности, приблизительно-сти выраженій, но отъ насыщенной сжатости того и другаго, или же отдаленныхъ ⁷ скачковъ, минуя скучную дорогу логической связи, всегда существующей, отъ образа къ образу, къ эпитету отъ эпитета. Поэтъ не допускаетъ пустыхъ строкъ, незначащихъ словъ, какъ бы не опуская ⁸ ни на минуту поводьевъ, не давая отдыха вниманію и образно-мыслительной способности слушателя. Подчасъ это, конечно, можетъ и утомлять<, > и мы не представляемъ себѣ даму въ вагонѣ или вернувшуюся послѣ бала домой, которая бы стала перелистывать, мечтая и вздыхая<, > томъ Вяч. Иванова, такъ же какъ мы увѣрены, что ни одно стихотвореніе объемистаго волюма не можетъ пройти незамѣченнымъ<, > «въ одно ухо войти, въ другое выйти»; каждое, плѣнивъ, ослѣпивъ, разсердивъ, возмутивъ — заставить къ себѣ вернуться, вникнуть, понять, принять или отвергнуть, но не забыть. Конечно, это отчасти и работа, не только наслажденье, но иному, съ чувствомъ пробренчавшему «Lieder ohne worte», можетъ показаться непосильнымъ трудомъ слушать фуги Баха. Притомъ «поэтическій» языкъ Вяч. Иванова, можетъ быть, болѣе, чѣмъ у кого иного<, > разнится отъ литературной рѣчи (наименѣе поэтической) и слишкомъ русскій ⁹ для нѣкоторыхъ петербургскихъ ушей, такъ что лѣнивому читателю симулировать непонятливость очень удобно, мы же утверждаемъ, что «слова» Вяч. Иванова всегда понятны и въ пьесахъ чисто лирическихъ (какъ весь отдѣлъ «Повечеріе» ¹⁰, которое — словно подвѣска изъ слезъ-жемчужовъ на иконѣ) достигаютъ высшей простоты (но не пустоты) и прозрачности. [Влекомый] Стремленіе къ полнотѣ и насыщенности иногда заставляетъ поэта брать образы изъ разныхъ эпохъ въ одномъ и томъ же произведеніи, въ чемъ скорѣе можно видѣть непосредственность, нежели надуманность. Притомъ намъ кажется, что нѣкоторые образы настолько стали символами, что потеряли связь съ эпохою<, > ихъ породившей. Границы же между общеизвѣстными и претенціозно археологическими упоминаніями такъ неустойчивы, что руководствоваться тутъ можно лишь вкусомъ и художественнымъ тактомъ. Неоднократно указывалось просто на неудобочитаемость многихъ строчекъ Вяч. Иванова, причемъ упускается изъ виду, что всякое стихотвореніе, какъ предназначенное для слуха, а не для глаза, требуетъ своего темпа, своихъ паузъ<, > своихъ синкопъ. Едва ли мѣркою благозвучности можно считать пріемъ чтенія скороговоркою любого стихотворенія<, > и тогда, конечно, такія строки, какъ

Стелеть недругу Кассандра
Рокастьимрежикарь

едва ли будутъ ласкать ухо, но лишь коснется ихъ темпъ, паузы и т. п.<.>, какъ всякое косноязычїе пропадаетъ:

Стелеть недругу V Кассандра V
Рѣка V сѣть V и мрѣжи V къръ.

Хотя нужно сказать, что извѣстная невнятность словъ, извѣстное усилие и напряженіе чувствуется именно въ наиболѣе значительныхъ и устремительныхъ вещахъ. Не то, чтобы языкъ поэта дѣлался менѣ блестящъ, вразумителенъ и полонъ, но волны, клубы какой<->то чрезмѣрной насыщенности заволакиваютъ ясные контуры. И думаешь, что прекрасно и точно сказано о глубокомъ, но что таинное подъ этимъ настолько близко и глубоко, что почти не поддается людской рѣчи. И кажется, что

Еще окрылиться робѣло
Души несказанное слово, —
А юнымъ очамъ голубѣла
Радость покрова.

И долго незримаго храма
Дымилось явленное чудо,
И застила синь ѳиміама
Блескъ изумруда.

(Покровъ) ¹¹.

А очи и духъ Вяч. Иванова всегда юны, несмотря на мудрость, оттого восторгъ, пылъ и несомнѣнный темпераментъ. Не отроческой, а зрѣлой юности. Гдѣ мужественность опредѣленна, не взирая на нѣжность, порывистость и остановки тишины:

«Сердце, стань!
Сердце, стань!»

Вяч. Ивановъ часто дѣлаетъ себя луннымъ, открывая свои глаза прозрѣнію, гаданію, ночи, но составъ его<,> болѣе солнечный и мужественный, неудержимо влечетъ его на предопредѣленный путь<,> и туманы болѣе похожи на пелену, которой кипучая кровь застилаетъ глаза порою, на «синь ѳиміама»<,> которая заститъ блескъ изумруда, нежели на «лунный ладанъ», в которомъ любо купаться А. Блоку. Поэзія Вяч. Иванова <—> звукъ трубъ и флейтъ, шумъ крыльевъ, бѣгъ бѣлыхъ коней, которые стануть ¹² с нѣжнымъ ржаніемъ только въ часъ жертвенн[аго мо<ления?>]ой тишины.

Говорить ли намъ о техникѣ? пусть другіе это сдѣлають со спокойнымъ духомъ, мы же напомнимъ, что техника стиха, общихъ и частичныхъ формъ, теперь имѣеть лишь двухъ мастеровъ: Валерія Брюсова и Вяч. Иванова.

М. Кузминъ¹³

История данной рецензии теснейшим образом связана с процессами, происходившими в русском символизме в начале 1910-х годов. После серьезного кризиса, обозначенного известной полемикой 1910 г., дальнейшее развитие символизма должно было быть связано с какими-то печатными органами, позволявшими не только демонстрировать новые художественные произведения (что могло быть сделано и во «внепартийных» изданиях), но и печатать теоретические и собственно критические статьи. Именно таким журналом призван был стать «двухмесячник издательства „Мусагет“» «Труды и Дни». Первоначально он замышлялся как печатный орган прежде всего трех поэтов — Блока, Андрея Белого и Вяч. Иванова, а также, до некоторой степени, его издателя, добывавшего деньги на содержание всего «Мусагета», — Э. К. Метнера (см. Котрелев 1982; Лавров 1984). Однако во время своего пребывания на «башне» Вяч. Иванова в январе 1912 г. Андрей Белый счел необходимым привлечь к участию в журнале ряд авторов, способных создать у читателя картину серьезных теоретических исканий. Об этом своем намерении он сообщал Э. К. Метнеру 30 января: «Говорил¹⁴ со многими по поводу журнала; намѣчаютя желающіе сотрудничать. Профессор Аничковъ постарается написать намъ для насъ <sic!> (скоро); на дняхъ веду разговоръ съ Сюннербергомъ; Кузминъ пишетъ о „*Cor ardens*“. Блокъ пишетъ статью» [Котрелев, Тименчик 1982, 391; цит. по оригиналу: РГБ, ф. 167 (Э. К. Метнер), карт. 2, ед. хр. 52, л. 1 об.]¹⁵. Как легко заметить, в первом номере «Трудов и Дней» из всего предполагавшегося была напечатана одна лишь рецензия Кузмина¹⁶.

В ходе редакционной работы над номером заключительный пассаж рецензии был элиминирован. Узнав об этом, 29 марта 1912 г. Вяч. Иванов, который был не только одним из ближайших сотрудников журнала, но и хозяином той квартиры, где жил Кузмин, и его близким другом, написал Метнеру письмо: «Доро<го>й Эмилій Карловичъ, мнѣ весьма досадно и въ то же время стыдно перед Кузминымъ за необъяснимую ампутацію, которой подверглась — и къ моему лично ущербу — его статья... Къ тому же ему не высланъ¹⁷ журналъ, и

он чувствует себя — не обиженным, а *униженнымъ*. Sic!» (РГБ, ф. 167, карт. 14, ед. хр. 10, л. 11 об.)¹⁸.

Оригинал ответного письма Метнера нам неизвестен, однако сохранился черновик (3.IV 1912), который вполне отчетливо показывает, какими аргументами пользовался автор: «Ампутация Кузьминской <sic!> статьи вполне понятна: 1) ни я<,> ни Бугаевъ (ни другие в *Мусагетѣ*) съ заключеніемъ статьи согласиться никоимъ образомъ не въ состояніи; 2) Бугаевъ даже обидѣлся (мнѣ это передавали; самъ онъ мнѣ этого не говорил<)>; 3) Куріозно утверждать подобное и затѣмъ на слѣд<ующей> страницѣ помѣщать редакціонное объявленіе объ юбилеѣ такого великаго *мастера*<,> какъ Бальмонтъ (котораго я лично вовсе не поклонникъ¹⁹). И совсѣмъ эта ампутация не къ Вашему ущербу; наоборотъ; ибо и такъ статья Пяста²⁰ + статья Кузмина заставила [ины] злые языки говорить о рекламированіи В. Иванова в I N Трудовъ и Дней, на что я отвѣтил<,> конечно, что если Мусагетъ посвятилъ книгу Бальмонту Брюсову Бѣлому²¹, то почему ему (даже если признать, что мы „рекламируемъ“) не удѣлить часть книжки журнала поэту и теоретику не меньшаго калибра, нежели тѣ трое...» (РГБ, ф. 167, карт. 24, ед. хр. 11, л. 1—1 об.).

В ответ Иванов разразился большим письмом от 3 мая, настолько принципиальным, что даже попросил М. М. Замятнину снять с этого письма копию и сохранил ее в своем архиве [РГБ, ф. 109 (Вяч. И. Иванов), карт. 10, ед. хр. 19, л. 1—4 об.]. Мы, однако, цитируем его по оригиналу:

«О Кузминѣ.

Съ ампутацией совершенно не согласенъ. Это была ошибка. Статью читалъ Андрей Бѣлый въ Петербургѣ и выразилъ довольство. Подпись автора что-нибудь да значит. Редакция могла ограничить статью своею оговоркой о несогласіи. Художник и критик, как Кузминъ, имѣет право на собственное мненіе; статья же была ему вдобавок заказана. Въ крайнемъ случаѣ, слѣдовало [спроси] условиться съ автором. Мѣсто, занятое въ No статьей, не было предназначено звѣздами. Вопросъ, послужившій контроверсой, очень техниченъ: «мастерство» вовсе не значит, по мысли автора, что-либо иное, кромѣ выдержанной и искусно примѣняемой сознательной техники, ([и при этом] въ данномъ случаѣ — въ области стиха). Техническія красота <sic!> при этомъ не покрывают, по мысли автора, технической некорректности, съ ними легко уживающейся. <Далее полторы строки зачеркнуто. — Н. Б.>. Но дѣло не в этом недоразумѣніи, а в искаженіи полного

смысла статьи и въ <1 слово зачеркнуто. — Н. Б.> произвольнѣ по отношенію к видному сотруднику, особенно же въ запретѣ имѣть свое мнѣніе. <2 или 3 слова зачеркнуто. — Н. Б.>. Еслибъ я одну минуту полагал, что мое участіе предполагает мое согласіе со *всѣм* дословно, что печатается в «Трудах и Днях», то тотчасъ же бы устранился от участія. Точно такъ же не предполагаю я, что и со мной во всем согласны. Какая же возможна *критика* без свободы личной расцѣпки^{22?} Другое дѣло — 1) общій дисциплинарный устав (напр<имер> корректность полемики), 2) общередакціонныя, [для] всѣх связующія, руководящія <1 слово зачеркнуто. — Н. Б.> заявленія въ родѣ манифестов <...> Въ этихъ двухъ случаяхъ примѣнима къ сотрудникамъ со стороны редакціи suggestio въ силу магистратской potestas.

Pro domo mea.

Мнѣ реклама не нужна; но современникамъ я былъ бы нуженъ. Ихъ прямой интересъ — начать наконецъ понимать мое *искусство*. Иначе они рискуютъ попрежнему искать *midî à quatre heures*. — Между прочим, я просилъ бы исправить опечатки въ плохенькой статейкѣ Кузмина обо мнѣ: строка 11 на стр. 50, снизу — должно читать *слишкомъ русскій*, вмѣсто *русской* (иначе смыслъ переиначенъ, утверждается обратное мысли автора); предпоследняя строка статьи — *станутъ*, вместо *стонутъ*» (РГБ, ф. 167, карт. 14, ед. хр. 10, л. 14—14 об.).

Однако Метнеру, по всей вероятности, письмо Иванова не показалось чрезмерно существенным. Об этом свидетельствует большой разрыв между получением письма и ответом на него, последовавшим практически лишь через месяц, 1 июня, из немецкого городка Pillnitz: «Статья Кузмина обсуждалась Бугаевымъ съ Ахрамовичемъ; одна изъ чертъ Бугаева <—> это сначала соглашаться, а затѣмъ по возможности тайно револтировать.

Заключеніе статьи Кузмина на всѣхъ произвело отрицательное впечатлѣніе; быть можетъ<, > мысль и правильна, но надо ее доказать теоретически и показатать <sic!> ея правильность на примѣрахъ; если бы Кузминъ на эту тему написалъ отдѣльную статью, то она могла бы (въ случаѣ своей доказательности) пройти даже безъ редакціонной оговорки. Въ этомъ смыслѣ я и написалъ ему извинительное письмо. Быть можетъ<, > Вы побудите его въ самомъ дѣлѣ написать статью о сравнительномъ мастерствѣ новыхъ русскихъ поэтовъ. Я еще разъ извиняюсь по поводу этого факта и напоминаю, что запрашивать [о со-

кращ] объ ампутаціи было уже поздно» (РГБ, ф. 109, карт. 29, ед. хр. 97, л. 7—7 об.).

К сожаленію, извинительное письмо Метнера Кузмину нам не известно; оно, по всей видимости, не сохранилось. Однако на Кузмина оно не подействовало, и он, как уже говорилось, напечатал в «Аполлоне» «Письмо въ редакцію», которое мы также приведем полностью: «Моя замѣтка о „Сог ardens“, помѣщенная въ первомъ номерѣ „Трудовъ и дней“ <sic!>, появилась безъ конца, который безъ всякаго предупрежденія былъ отброшенъ редакціей, такъ какъ взгляды и мнѣніе, тамъ высказанные, не совпали съ мнѣніемъ редакціи. Полагая, что такое отношеніе обязываетъ и меня быть солидарнымъ со всѣми мнѣніями, высказываемыми въ данномъ номерѣ „Трудовъ и Дней“, — я принужденъ сдѣлать извѣстными слѣдующія соображенія.

Конечно всякая подпись подъ статьей переноситъ главную отвѣтственность за написанное на писавшаго, но когда основывается новый органъ съ ясно выраженной тенденціей, когда первый номеръ спеціально подобранъ, то и скромная замѣтка о книгѣ, одно участіе писателя въ журналѣ предполагаетъ какъ бы полный униссонъ съ другими участниками. Простая добросовѣстность заставляетъ меня сдѣлать извѣстнымъ, что частичнаго совпаденія со многими взглядами, высказываемыми въ 1-омъ номерѣ „Трудовъ и Дней“ у меня, участника этого же номера, нѣтъ, потому что:

1) всякія требованія религіозныя или нравственныя, какъ бы они правильны ни были, не могутъ относиться къ теоріи искусства, не нуждающагося, чтобы для его возвышенія обуживались религія и философія. Признавая всю необходимость для поэта, какъ личности творческой, религіознаго начала, нельзя не видѣть, что размышленія объ этомъ идутъ мимо искусства, еще болѣе мимо поэтическихъ школъ, и группировка по такимъ признакамъ напоминала бы группировку поэтовъ по покрою платья, по цвѣту глазъ и прическамъ. Одно выше, другое — ниже цѣли, но одинаково не на тему. Все таки теоретики искусства — не Іоанны Златоусты, хотя послѣдніе, можетъ быть, были и важнѣе для поэтовъ.

2) Включеніе въ теорію творчества „личности воспринимающей“ — все переноситъ въ область впечатлѣній и эффектовъ, т. е. область весьма шаткую и едва ли желательную. И характерно стихотвореніе изъ „Кормчихъ звѣздъ“, гдѣ, можетъ быть, туристъ и плѣнится эхомъ, забывая о рожкѣ, но съ точки зрѣнія музыки, искусства, важны только т ъ з в у к и, которые издаеть рожокъ, и умильные впе-

чатлѣнія природнаго эха — ея разсмотрѣнію не подлежатъ. Обертонъ — прекрасно. Но во первыхъ они звучали всегда, когда Моцартъ и не думалъ на нихъ рассчитывать, а если временами Скрябинъ строить на нихъ гармоніи, то обращаетъ ихъ изъ обертоновъ въ простые тона. Во вторыхъ они математически предопредѣлены, чего нельзя сказать о символизмѣ, въ большинствѣ случаевъ имѣющемъ дѣло, конечно, съ метафорами личными и отнюдь не обязательными для слушателя. Включеніе же въ теорію творчества — творчества и воспринимавшей личности дѣлаетъ еще болѣе шаткой систему словесныхъ обертоновъ.

3) Принадлежитъ къ „участку ясности“, какъ любезно выразился г. Сундатор, я не могу не понимать словъ точно. Какъ ни неприятно „Трудамъ и Днямъ“, но школа символистовъ явилась въ 80-хъ годахъ во Франціи и имѣла у насъ первыми представителями В. Брюсова, Бальмонта, Гипсіусъ и Сологуба. Дѣлать же генеалогію Данте, Гете, Тютчевъ, Блокъ и Бѣлый не всегда удобно и выводы изъ этой предпосылки не всегда убѣдительны. Если же новое теченіе нѣсколькихъ писателей, вполне опредѣлившихся мастеровъ и теоретиковъ столь отличается отъ того, что принято называть символизмомъ, то лучше его и назвать другимъ именемъ, я не знаю, какъ, — „теургизмъ“ что ли, — чтобы не было путаницы въ возможныхъ спорахъ.

4) Помѣщенная въ концѣ книги на закуску маскированная статья Сундатор'а, все время занимается кивками и намеками безъ адреса и анонимно, чтобы всегда имѣть возможность или отпереться въ адресованіи, или сказать: „на ворѣ шапка горитъ“. Всѣмъ извѣстна эта манера по „Вѣсамъ“, гдѣ въ пространство посылались — „сволочь, калоша, щенокъ etc.“ Въ „Трудахъ и Дняхъ“ покуда въ видѣ цвѣточка появился „полицейскій участокъ ясности“ и „добровольный сыскъ“, вѣроятно, будутъ и ягодки, но я не могу не констатировать не полную желательность такихъ приѣмовъ. Никто не заподозритъ меня въ недостаткѣ уваженія и восторга къ произведеніямъ А. Блока, А. Бѣлаго и Вяч. Иванова, но когда все соединяется, чтобы настойчиво и тенденціозно подчеркнуть выступленіе, въ которомъ не участвуешь, то простая скромность заставляетъ сказать, что многихъ взглядовъ я не раздѣляю и способовъ полемики наступательной болѣе чѣмъ не одобряю, а написалъ только то, что написалъ, отнюдь не въ цѣляхъ засвидѣтельствовать свое участіе въ обновленномъ символизмѣ, поскольку онъ выразился въ „Трудахъ и Дняхъ“ » (Кузмин 19126) ²³.

Нетрудно увидеть, что письмо далеко выходит за рамки своего жанра. Кузмин не ограничивается выражением недовольства тем, что статья его оказалась изученной, и даже выражением протеста против достаточно, с его точки зрения, личных выпадов Андрея Белого, опубликовавшего под псевдонимом *Sunctator* небольшую заметку «О журавлях и синицах», но начинает полемизировать и с принципиальной статьёй Иванова «Мысли о символизме», причем отчасти возвращается к возражениям, высказанным еще на обсуждении доклада Вяч. Иванова в «Обществе ревнителей художественного слова» в 1910 г. Напомним, что уже тогда попытки Иванова придать русскому символизму исключительное, вневременное значение были встречены, по крайней мере одним из оппонентов, А. А. Кондратьевым, ссылками на то, что символизм есть исторически укорененное явление, восходящее к движению французской литературы 1870—1880-х годов (см. Богомолов 1994; об общем смысле полемики Кузмина с Ивановым — Богомолов 1987). Не лишним будет, видимо, напомнить, что письмо Кузмина появилось как раз в то время, когда давнее его недовольство некоторыми чертами личности Иванова стало претворяться в кризис дружеских отношений, приведший к серьезнейшим последствиям (см. Богомолов 1990).

Редакция «Трудов и Дней» и близкие к ней люди постарались если не совсем замолчать инцидент, то, во всяком случае, не придавать ему ключевого значения. Иванов в письме Метнеру от 12 сентября с некоторым удивлением отметил, что ничего не знал о готовящемся письме Кузмина, однако счел, что «*формально онъ во всем правъ*» (РГБ, ф. 167, карт. 2, ед. хр. 69, л. 3)²⁴. Сам же Метнер, поглощенный в эти дни важнейшими внутренними разногласиями с Белым, решил, что в полемику вмешиваться не стоит: «<...> N Аполлона сравнительно недавно вышель<,> и я самъ его прочель лишь на днях; ничего ужаснаго в немъ нетъ; глупое письмо обидѣвшагося Кузмина и осторожная замѣтка Чудовского <sic!>²⁵. Вдаваться в полемику не стоить. Могу вырвать страницы и прислать Вамъ, но прошу не затерять и возвратить обратно<.> — *Аполлонъ* болѣе не обмѣнивается съ нами изданіями, а значеніе его (по моему) слишкомъ невелико, чтобы дѣлать ему честь записываться на его издание и полемизировать съ лицестами, у кот<орых> молоко на губах не обсохло. Повторяю, если Вы — иного мнѣнія, то попробуйте отвѣтить Чудовскому» (РГБ, ф. 167, карт. 5, ед. хр. 29, л. 2)²⁶.

Других печатных следов полемики обнаружить не удастся. Для самого Кузмина она имела существенные последствия. Помимо бесповоротной ссоры с Ивановым, она определила его литературную позицию на ближайшее время: не так давно разошедшись с Гумилевым и акмеизмом, он теперь оказался решительно разьединен и с символистами. Это предопределило его обращение ко «внепартийным» печатным органам, и в первую очередь к массовой прессе, требовавшей значительных изменений поэтики, уже рождавшихся, но еще не окончательно закрепившихся в его творчестве.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Публикуется по тексту: РГБ, ф. 190 (Мусарет), карт. 47, ед. хр. 7, л. 2—10. На л. 1 отдельное название («*Cor ardens Вячеслава Иванова*») и подпись («М. Кузминъ»). Заголовок перед текстом, содержащий библиографическую информацию, зачеркнут карандашом (по-видимому, в редакции «Трудов и Дней»). Зачеркивания самого Кузмина, сделанные чернилами, взяты в квадратные скобки.
- ² В печатном тексте (Кузмин 1912а, 49): *являющая собою*.
- ³ В печатном тексте: *поддерживается она*.
- ⁴ Написано неясно и, возможно, читается *достигнутой*.
- ⁵ В печатном тексте: *материала*.
- ⁶ Первоначально было: *что лирика — не только любовна*.
- ⁷ В печатном тексте: *отдѣльныхъ*.
- ⁸ В печатном тексте: *отпуская*.
- ⁹ В печатном тексте: *русской*.
- ¹⁰ В печатном тексте: «*Повечеря*».
- ¹¹ В рукописи перед первым словом этой стихотворной цитаты открыты кавычки.
- ¹² В печатном тексте: *стонуть*.
- ¹³ Весь абзац после типографской линейки в печатном тексте отброшен; опубликованный вариант рецензии кончается многоточием.
- ¹⁴ В эпистолярной скорописи здесь и далее многократно опущены еры на концах слов.
- ¹⁵ О соображениях, заставивших Белого взглянуть на планы первого номера по-другому, см. его письма Э. К. Метнеру из Петербурга от начала февраля 1912 г. (РГБ, ф. 167, карт. 2, ед. хр. 53, л. 1—2 об.; ед. хр. 55, л. 1—4 об.; на первом стоит помета Метнера «2/II»), а также письмо Вяч. Иванова к Метнеру и Белому от 3 февраля 1912 г. (РГБ, ф. 167, карт. 14, ед. хр. 10, л. 1—6).
- ¹⁶ Е. В. Аничков для «Трудов и Дней» не написал ничего; К. А. Сюннерберг написал статью «Искусство — вожатый» лишь к началу марта 1912 г. (напечатана в № 3); статья Блока — вероятно, «От Ибсена к Стриндбергу» (№ 2). Помимо этого, плодом пребывания Белого в Петербурге явилось появление в первом номере статьи В. Пяста «Нечто о каноне» (см. Котрелев, Тименчик 1982, 397 примеч. 1).

- ¹⁷ Слово написано неясно; возможно, следует читать: «выс<ы>лается».
- ¹⁸ К о р р е к т у р н о е д о п о л н е н и е. Некоторые письма, цитируемые нами по архивным источникам, были только что опубликованы В. В. Саповым (1994).
- ¹⁹ Непосредственно после окончания рецензии Кузмина следовало помещенное по середине чистой журнальной полосы объявление: «11 марта 1912 г. день чествования двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности Константина Бальмонта. Р е д а к - ц и я» (*Труды и Дни*, 1912, № 1, 52).
- ²⁰ См. Пяст 1912.
- ²¹ Имеется в виду книга: Эллис 1910.
- ²² Первоначально было написано: *личного сужденія*.
- ²³ Основания для датировки дает дневник Кузмина, в котором 2 апреля 1912 г. записано: «Диктовался, заѣхалъ къ Кн<язеву,> ходили, потомъ въ „Аполлонѣ“ читалъ свою отповѣдь» (РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 55, с. 402).
- ²⁴ Любопытно, что в дневнике Кузмина накануне того дня, когда он читал аполлоновцам «Письмо в редакцію», отмечено: «Вечеромъ читали Сог ardens» (РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 55, с. 402) вместе с Ивановым. Стало быть, он таил содержание письма от Иванова совершенно рассчитанно.
- ²⁵ См. Чудовский 1912.
- ²⁶ Несколько оправдательный тон письма объясняется обидой Белого на то, что Метнер не прислал ему откликов на выход первого номера «Трудов и Дней». Так, в письме к А. С. Петровскому, которое должно было быть доведено до сведения Метнера, 7 октября нового стиля (датируется по почтовому штемпелю) Белый писал: «Мнѣ какъ бывшему Редактору „Трудов и Дней“ было важно знать полемику; я пять 5 <sic> мѣсяцев тому назадъ просилъ всѣхъ мусagetцевъ (каждаго порознь) и В. Ф. Ахрамовича (въ отдѣльности) извѣщать меня обо всѣхъ отзывахъ печати: о статьѣ Чудовскаго<sic> и письмѣ въ „Аполлонѣ“ Кузмина меня ни единымъ звукомъ изъ Москвы не увѣдомили» (РГБ, ф. 167, карт. 2, ед. хр. 70, л. 1 об.). Несколькими днями позже на уже цитированномъ письме Иванова к Метнеру от 12 сентября он приписал: «Изумляюсь, что о письмѣ Кузмина и о статьѣ Чудовскаго <переправлено из Чуковскаго. — Н. Б.> не увѣдомлень. Въ случаѣ продолженія бойкотирования меня, какъ редактора, считаю невозможнымъ онымъ числиться» (РГБ, ф. 167, карт. 2, ед. хр. 69, л. 4 об.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блок, А.: 1963, *Собрание сочинений: В 8 т.*, Москва — Ленинград, т. 8: Письма, 1898—1921.
- Богомолов, Н. А.: 1987, 'Михаил Кузмин как литературный критик', *Писатели-критики: Материалы научно-теоретической конференции «Проблемы писательской критики», 26—28 мая 1987 г.*, Душанбе, 132—135.
- Богомолов, Н. А.: 1990, 'К одному темному эпизоду в биографии Кузмина', *Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 г.*, Ленинград, 166—169.

- Богомолов, Н. А.: 1994, 'Заметки о русском модернизме' (в печати).
- Котрелев, Н. В., Р. Д. Тименчик: 1982, 'Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921)', Публикация Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика, *Литературное наследство*, Москва, т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования, кн. 3, 153—539.
- Котрелев, Н. В.: 1982, 'Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым', Публикация Н. В. Котрелева, *Известия Академии наук СССР, Серия литературы и языка*, т. 41, № 2, 163—176.
- Кузмин, М.: 1912а, '«Сог ardens» Вячеслава Иванова', *Труды и Дни*, № 1, 49—51.
- Кузмин, М.: 1912б, 'Письмо в редакцию', *Аполлон*, № 5, 56—57.
- Лавров, А. В.: 1984, '«Труды и дни»', *Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания*, Москва, 191—211.
- Пяст, В.: 1912, 'Нечто о каноне', *Труды и Дни*, № 1, 25—35.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).
- Сапов, В.: 1994, 'В. И. Иванов и Э. К. Метнер: Переписка из двух миров', [Вступительная статья и публикация В. Сапова], *Вопросы литературы*, вып. II, 307—346.
- Чудовский, В.: 1912, '«Труды и Дни»', *Аполлон*, № 5, 54—56.
- Эллис: 1910, *Русские символисты: Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Андрей Белый*, Москва.